

Ауэзов Мухтар

Киргизский героический эпос

"Манас"

(По варианту сказителя Сабындыя)

Сказители "Манаса" и слушательская "среда"

" СКАЗИТЕЛИ МАНАСА И СЛУШАТЕЛЬСКАЯ СРЕДА. "

=====

До последних лет имелись два написанных варианта "Манаса". Первый, как известно, издан В.В. РАДЛОВЫМ по его записи, произведенной в 60 годах из уст неизвестного нам сказителя.

Второй вариант принадлежит одному из последних крупных сказителей - "Манаса" - САГЫМБАЮ Оразбакову. Запись последнего варианта производилась в течение 4-5 лет киргизом мугаллимом Абдрахмановым Ибрагимом - вначале по поручению Туркестанской Научной Комиссии, а в-последствии, после образования Киргизской автономной области, по поручению киргизского Наркомпроса.

Этот последний вариант состоит из десяти толстых тетрадей /томов/ - /вернее-циклов песен/, в среднем по 500 страниц в каждой, исписанных убористым почерком в два столбца, приблизительно по 12 четверостиший на страницу. В этой редакции "Манас" состоит приблизительно из 60 тыс. строф. Привожу это число только с целью дать некоторое представление о размере поэмы, вообще же говоря строфическое членение на четверостишия для "Манаса" нужно считать крайне условным, как всякие другие произведения устного творчества, "Манас" не имеет устойчивых, однообразных форм и законов рифмовки и тем более канонических принципов строфического членения. Но из сказанного, конечно не нужно полагать, что поэма складывается из нерифмованной речи. Откладывая подробный анализ приемов стихосложения в "Манасе" д

следующей главы, пока отметим, что в ней представлены богатые и очень разнообразные виды рифм, как концовка стиха, так и в виде ритмико-мелодийного тактового упора.

Встречаются смежные, перекрестные, охватные рифмы и рифмы в виде "уик" с общей рифмой для четвертого стиха.

Шестьдесят тысяч строф / иначе 240 тысяч стихов / составляют только первую часть этой эпопеи. Она посвящена главному эпическому герою - Манасу. Вторую часть составляет поэма о Семетее, сыне Манаса. Эта часть состоит из двух томов, тоже приблизительно по 500 страниц. Третья часть - о Сейтеке, сыне Семетея, - в один том, размером в 500 таких же страниц. Из уст Сагымбая записана только первая часть. Семетей и Сейтек записаны со слов других сказителей, хотя Сагымбай знает и эти две части и считал ^{Семетей} "высоким покровителем" своего дара, ~~Семетей~~ и с особенной любовью и интуизмом поет о подвигах этого героя киргизского эпоса.

Наше введение относится только к первой части, т.е. к песне /Жомок/ о Манасе. По своему исключительному размеру даже она одна может называться океаном поэзии, поскольку на всем протяжении поэмы мерная речь ни разу не обрывается прозаическим повествованием. Можно сказать с уверенностью, что нет ни одного киргиза, который не слышал бы о - "Манасе" или не слышал бы хоть несколько стихов из "Жон Казат", из "Кокотайдын ^{ашы}" или из "Семетея". Тем более нет ни одного певца киргиза в репертуаре которого не числились бы некоторые песни из указанных частей киргизской эпопеи. Но, в месте с тем, нет в наше время настоящего Манасчи, за исключением Сагымбая и может быть еще одного - двух лиц. Не всякий певец, носитель мелких форм устного творчества, как Семетбай, Куйден и др. знающий отрывки из "Манаса", может называться Манасчи. Настоящие былинные певцы, /иначе жомокчу/ не были исполнителями этих мелких песен.

Репертуар, даже жанр, отличали настоящих исполнителей эпических песен от певцов типа казахских акынов, в репертуаре которых числились отрывки из былинного эпоса, наряду с лирическими и обрядовыми песнями. Распространенный тип киргизского ырчи предреволюционных лет представляет из себя исполнителя Колоска и разных увесилительных песен, сменяющего иногда эти песни по желанию аудитории заученными отрывками или даже целыми песнями - эпизодами из "Манаса" или "Семетей".

Их слушатели, в большинстве своем, не слышавшие всего "Манаса" от начала до конца, в исполнении настоящих жомокшу, не жалели похвал и певцу, заучившему незначительные отрывки. А Сагымбай, со своим неисчерпаемым, даже в течение трехмесячного исполнения "Манасом", конечно, не был доступен для большинства любителей устных сказаний. Поэтому неискушенные слушатели и сейчас в каждом районе могут назвать ряд имен, якобы отличившихся манасчи. На самом же деле все они знают из "Манаса" только два-три эпизода, актуальных по тематике или с этнографической бытовой стороны, как "Кокотайдын аши", или как интригующая героиня прошлого - "Зон-Казат", или же эмоционально действительная шириншиш любовная лирика "Айчүрөк" из "Семетей". Вот наиболее популярные и общераспространенные в репертуаре этих певцов - "ырчи" песни из "Манаса", "Семетей". По одному исполнению этих отрывков воздавались лавры всяким их исполнителям. И это не случайно. Это свидетельствовало о том факте, что эпический период в киргизском устном творчестве уже отошел в прошлое и на смену больших форм приходит окончательно победившая и вытеснившая эпос малая форма. Период бесконечного развертывания героического сюжета заканчивался обратным его свертыванием. Исполнение всего "Манаса" теперь сводится к исполнению популярных эпизодов или сокращенной редакции еще актуальных отрывков.

Последние десятилетия еще свидетельствуют о растущем интересе к лирическому жанру. Отсюда, из среды эпических песен становятся

более популярными отрывки из "Семетей". Изменившиеся социально-экономические условия, и внесенные Октябрьской революцией перемены в структуру общества, приводят к смене вкусов и запросов вновь формирующейся слушательской среды. Генерализующая линия в современном устном творчестве определяется линией количественного и качественно-го роста новых, мелких жанров по преимуществу нового советского фольклора. В результате всего этого мы имеем на лицо факт весьма распространенный в мировой литературе, факт существования различных литературных направлений, стилей, жанров, соответственно существовавшим культурам, в плане которых зародился, рос и дошел до своего падения каждый стиль, каждое литературное направление. Упадок господствующего когда-то стиля совпадает с моментом возрастающей роли противопоставляющего себя старому новому стилю. Этот диалектический процесс исторической смены отрицаниями прошлого доказан марксистско-ленинским литературоведением, факт распространяющийся и на литературные явления. Поэтому вполне объяснима одновременность устного сказания "Манаса" в начальные годы революции наряду с киргизскими революционными поэтами, беллетристами и драматургами в европейском смысле, как сосуществование элементов старой и новой культуры, как наличие в те годы остатков натурального хозяйства в киргизском ауле наряду с коллективизацией и индустриализацией во всем революционном строительстве Киргизстана.

Оставляя до следующих глав вопросы более подробного анализа формы, стиля и последовательного формирования киргизской героической эпопеи, перейдем теперь к вопросу о сказителях "Манаса".

Как ни странно, из древнейших сказителей "Манаса" не сохранилось ни одного имени ни в народной памяти, ни в устах жомокчу. Правда, в вариантах Сагымбая, во втором томе один раз упоминается имя поэта - дружинника Шайсан - ирчи, который

Шалан уйдун боры мын
Шарым ундей Ирдаган

/одно украшение юрты воспевал пол-дня/ Это единственное упоминание о мифическом поэте, современнике "Манаса", не дополняется никаки-